

Даниэль Деронда

Автор:

Джордж Элиот

Даниэль Деронда

Джордж Элиот

Дэниэль Деронда – приемный сын сэра Гюго Малинджера – спасает от самоубийства приехавшую в Англию еврейскую девушку. Между молодыми людьми завязывается дружба и Даниэль помогает Мире разыскать ее родных. К тому же герой тайно влюблен в другую и неожиданно узнает о ее предстоящем замужестве. Оригинальный текст романа открывается представлением двух персонажей – Даниэля Деронды и Гвендолен Харлет. Образу последней Деронда посвятил большую часть повествования.

Однако поданный адаптированный перевод 1915 года во многом сокращен – здесь внимание сосредоточено на становлении главного героя и раскрытии других женских характеров.

Джордж Элиот

Даниэль Деронда

I

В один светлый, теплый июльский день, полный солнечного блеска и благоухания роз, лепестки которых усеивали лужок, окаймленный с трех сторон

древним готическим монастырем, мальчик лет тринадцати, по имени Даниэль Деронда, лежал на траве под сенью дерева, поддерживая обеими руками свою кудрявую голову, и читая книгу; подле него на складном стуле сидел его наставник, м-р Фрезер, тоже занятый чтением. Книга, раскрытая перед мальчиком, была по истории Италии; он страстно любил историю и желал знать, – что делалось в отдаленные времена. Вдруг он поднял голову и задумался: ему в книге попался один герой, который не знал, – какого он происхождения, не знал никогда ни отца, ни матери, и мучился этим незнанием. Даниэль сразу же увидел в этом герое сходство с собою: и он никогда не знал ни своего отца, ни матери и ничего не слышал о них.

Жил он у богатого баронета, сэра Гюго Малинджера, всегда называть его дядей, и, когда однажды спросил его о своих родителях, баронет ответил:

– Ты лишился отца и матери в младенчестве, и вот почему я принял тебя на свое попечение.

Напрягая тогда свою память, Даниэль смутно стал припоминать, как его кто-то крепко целовал, как его со всех сторон окружала тонкая» благоухающая ткань, как его пальцы неожиданно попали на что-то твердое, и он расплакался. Все другие его воспоминания ограничивались тем маленьким миром, среди которого он продолжал жить. Он так любил сэра Гюго, что не имел повода сожалеть о потере неведомых ему родителей. Даниэль считал его совершенством.

Поместье, где протекала его мирная, веселая жизнь, было одно из лучших в Англии. Малинджеры вели свое происхождение от Гюго Малинга, прибывшего в Англию с Вильгельмом Завоевателем. Два ряда этих потомков, прямых и побочных ветвей, смотрели на маленького Даниэля в портретной галерее: тут были и рыцари в блестящей броне, и серьезные государственные люди в черных бархатных кафтанах и политические деятели в громадных париках...

Рассматривая старинную портретную галерею сэра Гюго, Даниэль видел, что он был красивее всех предков своего дяди; в тринадцатилетнем возрасте он мог служить образцом для художника, желающего нарисовать поразительной красоты мальчика...

В данную минуту, на зеленом лужке, среди благоухающих роз, Даниэль Деронда сильно задумался о своих, неизвестных ему, родителях. Что случилось с его отцом?

С матерью? Об этой тайне Даниэль не мог ни у кого спросить, так как боялся получить неприятный ответ. Люди, детство которых протекло мирно, счастливо, поймут этот страх – услышать что-нибудь неприятное о своих родителях. Тяжелое душевное состояние Даниэля, наконец, нашло себе облегчение в крупных слезах... Теперь, когда прошли первые минуты тяжелой грусти, он понял, что у него еще нет никаких оснований опасаться чего-нибудь плохого. Однако он иначе начал смотреть на все происшествия своей жизни. Мысль, что другие знали и скрывали многое об его происхождении, что он сам ни за что не желал бы раскрытия этой тайны, развила в нем преждевременную сосредоточенность. Он теперь обращал внимание на такие слова, которые до того июльского дня прошли бы незамеченными мимо его ушей; всякая мелочь теперь возбуждала в нем новые, неизвестные ему до сих пор чувства.

Одно из подобных пустых обстоятельств, случившееся месяц спустя, произвело на юношу глубокое впечатление.

Даниэль отличался не только серебристым детским голосом, но и замечательным музыкальным даром, так что с раннего детства он пел, сам себе аккомпанируя на фортепиано. Впоследствии сэр Гюго пригласив к нему учителей и часто заставлял его петь при гостях. Раз, когда мальчик очень хорошо спел при гостях один романс, баронет скачал с улыбкой:

– Подойди сюда, Дан.

Мальчик подошел. На нем была вышитая полотняная блуза, выделявшая его красивую головку, а серьезное выражение лица придавало ему необыкновенную прелесть.

– Хотел бы ты быть великим певцом, – спросил сэр Гюго, – и каждый день слышать похвалы публики?

Даниэль вспыхнул и, немного подумав, ответил гневным, решительным тоном:

– Нет, ни за что.

– Ну, ну, хорошо, – сказал сэр Гюго с удивлением и потрепал мальчика по плечу.

Даниэль поспешно вышел из гостиной. Его прямо в сердце поразило неожиданное открытие, что дядя думал о такой для него будущности, которая не только не походила на его собственную, но считалась сыновьями английских джентльменов низкой. Он часто бывал с сэром Гюго в Лондоне в опере и видел, как принимают знаменитых певцов; но, несмотря на свое музыкальное дарование, он с негодованием отворачивался от мысли, что он, Даниэль Деронда, стал бы, раздевшись, как кукла, петь для потехи людей, видевших в нем только свою забаву. То, что сэр Гюго допускал возможность появления его на сцене, казалось, говорило Даниэлю, что он по происхождению не принадлежал к числу джентльменов, подобных баронету. Узнает ли он когда-нибудь горькую тайну о своих родителях? Настанет ли время, когда дядя откроет ему все?

До сих пор Даниэль не обращал никакого внимания на семейное генеалогическое дерево, висевшее в кабинете дяди, но теперь его тянуло к этому пергаменту; однако, он боялся, – как бы его не застали за рассматриванием этого документа и не догадались о его душевном волнении.

Даниэль любил почти всех окружающих его лиц, хотя иногда не прочь был и подразнить их, конечно, за исключением дяди. К нему Даниэль чувствовал глубокую, сыновнюю привязанность, и все, что касалось сэра Гюго, это имело особую, прелесть в глазах мальчика. Сочинения дяди, его блестящие описания путешествий, статьи казались ему образцами совершенства.

Вскоре после сцены, возбудившей тревожное волнение в душе Даниэля, оказалось, что, по всей вероятности, сэр Гюго только шутил. Однажды утром он послал за Даниэлем и сказал ему:

– Конечно, всякая перемена в жизни тяжела для людей, живущих счастливо; но ты не можешь, не расставаясь со мной, получить такое воспитание, какого я хочу. Да к тому же, в школе тебя ожидает много удовольствий.

– Значит, я поступлю в школу? – спросил мальчик.

– Да, я хочу отправить тебя в Итон. Ты должен получить воспитание, как настоящий английский джентльмен, – а для этого должен поступить в школу, а потом в Кембриджский университет, где я сам воспитывался.

Румянец показался на щеках Даниэля.

– Что ты на это скажешь? – спросил сэр.

Гюго с улыбкой:

– Я желаю быть джентльменом, – ответил Даниэль, – и поступлю в школу.

– Значит, тебе не жаль расстаться со старым дядей? – нежно спросил сэр Гюго.

– Очень, очень жаль, – отвечал Даниэль, схватив руку дяди: – но ведь я буду ездить домой на праздники?

Этот разговор успокоил Даниэля. Из него хотели сделать джентльмена, – следовательно, его предположения о своих родителях не верны. Он перестал задумываться...

В школе все пошло прекрасно, и Даниэль был доволен своим новым существованием. В школе все считали его очень скрытным, сосредоточенным мальчиком, но никто не винил его в этом, так как он был очень добр, прост и отличался, как в ученье, так и в играх.

Перед первыми каникулами Даниэль получил от сэра Гюго письмо, в котором тот сообщал, что он женился, что, конечно, прибавлял дядя, нисколько не мешало Даниэлю провести праздник дома, так как он найдет в леди Малинджер нового друга.

Занятия в школе шли хорошо; на каникулы Даниэль ездил в аббатство к дяде.

Однажды, в конце летних каникул, накануне поступления в Кембридж, Даниэль спросил дядю:

– Чем вы хотите сделать меня, сэр?

– Чем хочешь, мой милый мальчик, – отвечал баронет. – Ты можешь сам выбрать тот род деятельности, к которому чувствуешь влечение...

– Я думаю, сэра, – ответил, краснее, Даниэль, – что в выборе занятий я должен принять во внимание и денежный вопрос. Ведь мне придется жить своим трудом.

– Не совсем. Конечно, я советую тебе не быть расточительным, но к этому у тебя нет расположения, а отказывать себе в необходимом тебе нет причины. Ты всегда можешь рассчитывать на семьсот фунтов стерлингов (около 7.000 руб.) в год. Значит, ты можешь выбрать, какую хочешь, карьеру.

Деронда был сильно смущен. Он сознавал необходимость поблагодарить дядю, но другие чувства волновали его. Щедрость сэра Гюго к Даниэлю была тем замечательнее, что за последнее время он выказывал особую экономию и всячески старался отложить побольше денег от доходов с поместий на приданое дочерям; поэтому в голове Даниэля блеснула мысль, что не был ли он обязан назначаемыми ему деньгами своим отцу или матери. Так он ничего и не сказал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/eliot_dzhordzh/daniel-deronda

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)